

³¹ Шевырин В. Гейден Петр Александрович. – С.489.

³² Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970.

³³ Там же. – С.303.

³⁴ Там же. – С.326.

³⁵ Цит. по кн.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. – С.97.

Надійшла до редколегії 04.06.02

В.Деннингхаус

Университет им.Гейне (г.Дюссельдорф, Германия)

ШПИОНОМАНИЯ, ИЛИ «ОХОТА НА ВЕДЬМ», В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На основі значної кількості архівних джерел, більша частина яких вперше вводиться до наукового обігу, розкриті економічні, політичні та соціальні причини антинімецької кампанії, яка розгорнулася в Московській губернії в роки Першої світової війни.

—...В Петровском парке, ей-богу, не вру... – говорят, на одной даче нашли беспроволочный телеграф, а при нем двое шпионов с привязанными бородами – убили, конечно, голубчиков...¹

Одной из причин повышенной подозрительности и как следствие – отрицательного отношения русского населения к немцам явилась нагнетаемая средствами российской периодической печати шпиономания. Не без их помощи с началом военных действий по стране широко распространилось мнение, что в общей системе германской разведки в России на первом плане стоит шпионаж с помощью немецких торговых фирм, предприятий, добровольных обществ и непосредственно самих граждан немецкого происхождения². В своих воспоминаниях генерал-губернатор Прибалтийского края П.Г.Курлов³ сообщал, в частности, о том, что «Ставка Верховного Главнокомандующего относилась к газетным статьям (касающимся немецкого шпионажа. – В.Д.) с большим вниманием, и

он получал постоянные запросы чуть ли не по поводу каждой журнальной заметки»⁴. «Немецкий шпионаж органически сросся с немецкой промышленностью», — заявлял в свою очередь и А.С.Резанов, автор неизвестного нам труда «Немецкое шпионство». На основании этого утверждения он призывал все органы властных структур России при борьбе «с немецким торговым засилием... руководствоваться исключительно политическими видами, но отнюдь не гражданско-правовыми соображениями»⁵. По всей видимости, именно с этой позиции «одной из крупнейших шпионских организаций» в России была признана немецкая фирма «Кунст и Альберс» (Владивосток)⁶, имевшая свои филиалы не только на востоке страны, но и в ее европейской части — Одессе и Москве⁷. Центральным аргументом по обвинению руководства фирмы в связях со «многими шпионскими группами и отдельными крупными шпионами» послужило то обстоятельство, что, по отзывам российских властей, эта фирма «монополизировала в своих руках почти всю торговлю на Дальнем Востоке»⁸. Большой резонанс в обществе вызвало и расследование органами внутренних дел деятельности «немецкой» фирмы «Гергард и Гей», начатое в конце 1914 г. Официально считавшееся русским, но основанное германским подданным и занимавшееся транспортировкой военных грузов по железным дорогам, предприятие привлекло особое внимание российских следственных органов. Закрытие данной фирмы, подозреваемой в шпионаже, включая все ее отделения, также сыграло на руку сторонникам поиска «внутреннего врага» в России⁹. На поприще «шпионажа» громкую известность в печати приобрело акционерное общество «Зингер», официально числящееся американским¹⁰. По сути, компании «Зингер» была поставлена в вину ее четко продуманная система продажи швейных машин потребителям¹¹.

Дело в том, что все регионы России, обслуживаемые фирмой, были разбиты на 4 района, во главе которых стояли вице-директора. Районы, в свою очередь, подразделялись на многочисленные «депо», в распоряжении которых находились отдельные торговые агенты, непосредственно распространявшие продукцию по российской глубинке. Именно эти торговые агенты и занимались, по мнению разведывательных органов России, «сбором шпионских сведений», касающихся мобилизации населения, численности призывников и т.д.¹² Эта «истерия» не обошла и Москву, в которой находилось около 25 магазинов данного акционерного общества¹³. Еще в октябре 1914 г. градоначальник А.Адрианов поручил начать расследование по делу «О шпионской деятельности агентов компании Зингер»¹⁴. Распоряжение последовало в ответ на рапорт одного из уездных исправников, заявившего о том, что торговые агенты компании «Зингер» собирают секретные сведения о количестве «подмосковных

селений с указанием их названий, числа дворов, жителей мужского и женского пола»¹⁵. Однако, несмотря на проведенное полицией Москвы и Московской губернии расследование, немецких «шпионов» среди продавцов швейных машин обнаружено не было¹⁶.

При этом московский градоначальник в своем заключительном рапорте по этому делу обратил внимание на то, что среди торговых агентов компании «Зингер» практически нет «достаточно подготовленных по развитию людей», вообще способных на сбор каких-либо разведывательных данных¹⁷. Несмотря на то, что шпионская деятельность подмосковного филиала фирмы «Зингер» (г.Подольск) доказана не была, в московской печати появился целый цикл статей, обвинявших ее руководство в сотрудничестве с германскими властями¹⁸. Серия репортажей, появившихся в газете «Вечерний курьер» летом 1916 г., вынудила администрацию завода компании «Зингер» обратиться с официальным заявлением к московскому губернатору с просьбой повлиять на редакцию данного печатного органа. Подобные статьи, по мнению руководства фирмы, не только «возбудили... неприязненное отношение к администрации завода как со стороны рабочих, так и других лиц...», но и повлияли на производительность предприятия, работающего на оборону страны¹⁹. Необходимо пояснить, что подмосковное «немецкое» предприятие швейных машин «Зингер» только с февраля 1915 г. приняло целый ряд заказов на изготовление разнообразной продукции для военного министерства. К примеру, предприятие обязалось изготовить 1 300 000 детонаторных трубок для фугасных гранат, 10 000 запальных стаканов, 5 000 штучков для винтовок, 1 000 000 крышек для ручных гранат, 1 000 000 чек для ручных гранат, 500 000 ударников для ручных гранат, 335 000 винтов для снарядов, 1 000 частей мин заграждения и т.п.²⁰

Администрация компании «Зингер» попыталась самостоятельно развенчать все слухи, опубликовав подробную информацию о своей деятельности, а также многочисленные отзывы рабочих и служащих в свою защиту. Директор предприятия, гражданин США Диксон Вальтер, даже угрожал в случае продолжения появления статей «о шпионской деятельности» фирмы «Зингер» в пользу Германии вообще закрыть данное производство. Обращаясь в письме к московскому губернатору, он потребовал «оказать административным путем воздействие на органы газетной прессы в смысле более осторожного и осмотрительного печатания слухов и искаженных сведений»²¹.

В то же время полиция довольно быстро отреагировала на обвинение фирмы в шпионаже, сразу же взяв ее под «особый» контроль. Дело в том, что «немецким» предприятиям полиция нередко отводила роль революционных очагов, откуда, по ее мнению, волна рабочих забастовок в

нужный германскому руководству момент могла охватить всю Россию²². Не исключались и организованные в пользу Германии саботаж, например, «организованные пожары» на промышленных предприятиях. В частности, возгорание на московском заводе Юлия П.Гужона (Goujon Jules) было объяснено именно происками германских шпионов²³.

Проведенная полицией проверка более 4,5 тысячи рабочих и служащих фирмы «Зингер» подтвердила их полную лояльность и «политическую благонадежность»²⁴. В то же время полностью развеять слухи о сотрудничестве руководства фирмы с германской разведкой так и не удалось, несмотря на то, что ни один из фактов «шпионажа» подтвержден не был²⁵.

По мнению представителей военной разведки России, наиболее «мощный аппарат германского шпионажа» представляли из себя и добровольные немецкие общества²⁶. При этом сотрудники данного ведомства отмечали, что «в России их было настолько много, что нет никакой возможности [их] перечислить даже с приблизительной точностью»²⁷. Несмотря на огульность данного обвинения в отношении всех немецких обществ и объединений в России, официальное следствие было начато только против одного – Германского флотского общества «Флот-Ферейн» («Центральный союз германских обществ флота за границей»). Все его члены были обвинены в распространении идей пангерманизма и оказании разведывательных услуг Германии. В ночь на 29 августа 1914 г. в различных городах России были произведены обыски и аресты всех представителей данного объединения с последующей их высылкой по обвинению в шпионаже²⁸. При этом наибольшее число арестованных было отмечено именно в Москве, составившее более ста человек (в Одессе – 76, в Петрограде – 80)²⁹.

В период военных действий появилась и масса анонимных сообщений и доносов русских «национал-патриотов», непосредственно касающихся политической неблагонадежности и вредительской деятельности лиц немецкой национальности. Дело в том, что слухи о разведывательной деятельности в пользу Германии «сотен и тысяч людей самых различных профессий» получили широкое хождение в периодической печати³⁰. В унисон репортажам российской националистической прессы звучали и сообщения военных властей. «Приемы неприятельской разведки в тылу и профессии, которыми занимаются шпионы, – говорилось в одном из документов русской контрразведки, – поражают своим разнообразием. Тут встречаются артисты и артистки кафе-шантанов, проститутки, уголовники, мальчишки-подростки, нищие-калеки, фабричные и заводские рабочие, железнодорожные агенты и т.д.»³¹ Нужно заметить, что сам начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии

Н.Н.Янушкевич в своём секретном письме на имя В.Ф.Джунковского требовал незамедлительно обратить внимание на «подозрительный образ жизни и деятельности состоящих в русском подданстве как отдельных представителей этой (немецкой.— В.Д.) национальности, так и целых ее групп»³². Данную точку зрения поддержали и представители военной контрразведки Московского военного округа, обратившие свое внимание на немцев, выходцев из Прибалтийских губерний. «Прибалтийское немецество,— встречаем мы в одной из докладных записок данного ведомства,— будучи вкраплено в чужую народность и отделено от родной земли поляками и литовцами, не имея возможности освежать себя родной немецкой кровью, не только не потеряло... немецкого образа, не смешалось и не ассимилировалось с другими народностями, но даже наоборот, наиболее прочно сохранило немецкие нравы, немецкий язык, немецкую культуру и чистоту немецкой крови..., распространив ее корни на всю Россию и в частности на Москву, как на сердце торгово-промышленной России»³³. По мнению сотрудников российской контрразведки, именно выходцы из Прибалтики, приобретшие в Москве состояние и положение, с началом войны стали вести «закулисную» борьбу, опираясь на свое влияние в экономической и политической жизни города³⁴. При этом их «вражеская деятельность» трактовалась органами военной контрразведки России весьма широко: «различные виды шпионства, сеяние смуты среди населения, учинение различных экономических и транспортных затруднений, оказание помощи пленным германцам»³⁵.

Шпиономания в столице доходила порой до смешного. Так, из «достоверных» данных начальника штаба Московского военного округа следовало, что «германцы, готовясь к новой зимней кампании и ощущая недостаток в сапогах, закупают русские валенки, пользуясь тем, что вывоз их из России не запрещен... причем поставляет им валенки одна из московских фирм»³⁶. Несмотря на явную абсурдность данного сообщения, членами сысковой полиции было проведено тщательное обследование всех торгующих валяной обувью московских фирм. Однако, как и следовало ожидать, обнаружить фирму, «доставляющую валенки германцам, не представилось возможным»³⁷.

Волна следственных дел против «внутренних врагов», нередко возникавших только из чувства мести или сведения личных счетов, за короткий срок фактически захлестнула полицейские участки. Генерал-майор В.Ф.Джунковский был вынужден даже издать специальный приказ по корпусу жандармов, чтобы приостановить тенденцию искусственного создания ряда сенсационных дел без каких-либо на то оснований и доказательств. «Учитывая общий горячий подъем патриотических чувств,— отмечал В.Ф.Джунковский,— они (русские.— В.Д.) возводят на своих вра-

гов обвинения в оскорблении Величества, государственной измене, шпионстве, указывают на их (немцев.— В.Д.) несомненную политическую неблагонадежность, выразившуюся в поругании нашего Отечества и вообще всего русского и в нескрываемом сочувствии к воюющим с Россией державам»³⁸.

Наиболее широко кампания по поиску «внутреннего врага» проявилась весной-осенью 1915 г., то есть в период массового отступления российской армии. Ставка Верховного Главнокомандующего и Министерство внутренних дел были переполнены доносами на российских немцев, якобы сотрудничающих в пользу Германии. Попытки некоторых государственных деятелей прекратить антинемецкую истерию наталкивались на противодействие не только в печати, но и со стороны самих военных властей³⁹. Нередкими являлись и сообщения русских жителей подмосковных селений, «регистрирующих» движение немецких аэропланов в районе дач, носящих немецкие фамилии владельцев. Даже в Сибири, удаленной от районов активных боевых действий на многие тысячи километров, генерал-губернатор Степного края Н.А.Сухомлинов призывал население к поиску вражеских самолетов, приземлявшихся, по его сведениям, для «дозаправки» (!) бензином в немецких селениях⁴⁰.

Наряду с единичным «вредительством» московских немцев имели место и сенсационные дела, «удостоверившие» их групповую «измену». Так, например, появилось дело «О незаконном сообществе, поставившем целью оказание помощи немецким военнопленным в России и способствовании переписки их с Германией и Австрией»⁴¹. Предыстория его была достаточно банальной. Еще со времени турецкой кампании 1877–1878 гг. в России появилась немецкая благотворительная организация «Комитет Санкт-Петербургского евангелического полевого лазарета», устав которого был официально утвержден в мае 1879 г. Во время российско-японской войны Комитет вновь выступил инициатором создания нескольких лазаретов для раненых солдат и офицеров, что было поставлено в заслугу его руководителям — российским немцам. Неудивительно, что сразу после объявления Первой мировой войны в Петрограде состоялось общее собрание упомянутого Комитета (25.7.1914) под председательством генерал-адъютанта А.А. фон Гриневальда. Здесь, наряду с Петроградскими и Прибалтийскими отделениями лазарета, было учреждено и Московское отделение евангелического полевого госпиталя. В августе 1914 г. в помещении Московского страхового общества, директором которого являлся московский немец Павел И.Люкке, было официально подтверждено открытие действующего евангелического госпиталя «по подобию лазаретов русско-турецкой и японской войн». Московские власти, в свою очередь, инициативу открытия данного евангелического уч-

реждения особо не поощрили⁴². Поводом для подозрений послужило «приглашение» на данное собрание, выпущенное в виде воззвания к представителям немецкой колонии Москвы и отпечатанное на немецком языке.

Особое внимание было обращено и на московских немцев, его подписавших: Президента Евангелической Консистории Е.В.Беренс, генерал-суперинтенданта П.Виллигероде, доктора О. фон Шиман и пасторов Р.Вальтер, А.Кан, А.Зигфрид, Ф.Мейер, Б.Краузе. При этом, поддержав инициативу создания евангелического полевого госпиталя, московские пасторы выступили организаторами сбора денег и вещей в пользу германских и австрийских пленных по всей стране. Таким образом, Москва стала своего рода центром, куда стекались все полученные средства и вещи, а их официальным распределителем выступил пастор лютеранской церкви Св.Петра и Павла Рихард Вальтер (уроженец Лифляндской губернии и выпускник Юрьевского университета). То обстоятельство, что Р.Вальтер являлся выходцем из Прибалтики, вскоре дало повод полиции обвинить его в создании «Комитета помощи германским и австро-венгерским военнопленным», деятельность которого вышла за границы Москвы. Дело в том, что в городе Юрьеве в феврале 1915 г. полицейскими органами было начато расследование по делу о нелегальной работе немецкого прибалтийского «Комитета», также осуществлявшего сбор средств в пользу германских военнопленных⁴³. Отсутствие официальной регистрации «Комитета» и послужило главной причиной возбуждения московской прокуратурой следствия по данному делу. Среди основных обвиняемых в создании «Комитета» проходили следующие московские немцы: Рихард, Елизавета, Эдита и Эрик Вальтер, Елена Гершельман, Алиса Безебек, барон Эрих-Оттокар-Александр Унгер-Штенберг (Ungern-Sternberg), Эмилия-Каролина-Анастасия Зиминая (урожденная Раутенберг), Василий и Маргарита Корнель. При этом домовладения всех этих лиц также подверглись тщательному досмотру.

Так, например, среди «компрометирующих» улик, обнаруженных у Эмилии Зиминой (Раутенберг), уроженки г.Риги и русской подданной, были зафиксированы «открытки с изображением Вильгельма II... и его семьи, небольшого размера германский флаг, австрийская медаль, изображение Франца-Иосифа, кроме того, вблизи образа (иконы), на одной линии с ним... рамка, затянутая густой белого цвета кисеей... с портретом Вильгельма II с семьей, изображенных в красках»⁴⁴. Несмотря на то, что в процессе дознания выяснилось, что портрет Вильгельма II был приобретен задолго до войны, австрийская медаль была просто юбилейным знаком, а германский флаг – лишь детским сувениром, улик хватило на то, чтобы признать Зиминой нелояльной Российскому государству и вынести решение о ее депортации из столицы⁴⁵. Хотя все

нести решение о ее депортации из столицы⁴⁵. Хотя все московские немцы, проходившие по данному делу, отрицали существование «Комитета» и заявляли, что работали только по собственной инициативе, им было предъявлено обвинение в подготовке и организации нелегального сообщества. В свою очередь, пастор Р.Вальтер был обвинен не только в организации «всероссийского» сбора денег и вещей в пользу «вражеских» военнопленных, но и в нелегальных сношениях с подданными воюющих с Россией государств, проживающими за границей. К январю 1916 г. предварительное следствие по делу «Комитета» было закончено, а обвиняемые освобождены под залог в сумме 600 000 рублей⁴⁶. Особое внимание во время следствия было обращено на семью московского промышленника, прусского подданного Иосифа-Фридриха Вильгельма (Василия) Корнеля и его жену, венгерку Маргариту Александровну, признанных не только главными деятелями «Комитета», но и «агентами» враждебных России держав. На судьбе В.И.Корнеля хотелось бы остановиться несколько подробнее, т.к. она была типичной для многих немецких предпринимателей, попавших под обвинение в шпионаже. Родившись в Петербурге, он прошел обучение в русской гимназии, двадцать шесть лет занимался торговой деятельностью в Москве, здесь же создал и возглавил электро-механический завод. К 1915 г. на этом предприятии уже трудилось около 200 рабочих и служащих. Его завод в течение многих лет производил элементы для полевого телефона и железнодорожного телеграфа, поставляя их Главному управлению почт и телеграфов России, а также большинству государственных и частных железных дорог. В период войны завод В.И.Корнеля перешел на военные заказы для нужд Кавказской армии, Либаво-Роменской железной дороги и «Экономического общества офицеров»⁴⁷.

Наряду с экономической активностью необходимо отметить и общественную деятельность данного «иностранца», являвшегося членом Рогожского попечительства Яузского благотворительного общества, Общества вспомоществования на Высших женских курсах, Славянского благотворительного общества и т.п. В 1912 г. В.И.Корнель открыл в Сокольниках приют для 25 бездомных мальчиков-сирот, а с началом войны выступил инициатором создания еще одного приюта для 100 детей (мальчиков и девочек) погибших российских военнослужащих, который собирался полностью профинансировать. Кроме этого, В.И.Корнель содержал на свои средства лазарет для ста военнопленных-инвалидов (ул.Большая Алексеевская, д.13) и больницу для 25⁴⁸ человек русских военнослужащих (ул.Верхне-Болвановская, д.23)⁴⁹. Однако, несмотря на столь блестящую биографию промышленника и мецената, В.И.Корнелю так и не удалось снять с себя пресловутое клеймо «внутреннего врага». В

момент проведения следствия в вину ему ставился целый «букет» обвинений: связь с социал-демократами (денежная помощь русским социалистам-безработным в США) для подготовки русской революции; шпионаж в пользу Германии (рассылка по России в феврале 1914 г. циркуляров о сборе телефонных абонентских книжек)⁵⁰; организация нелегального «Комитета» по сбору пожертвований для военнопленных и т.п.

Кроме того, он и его жена были «уличены» в оказании материальной помощи немецким военнопленным в 8-м и 12-м сводных эвакуационных госпиталях Москвы⁵¹. При этом Маргарита Корнель обвинялась в финансировании побегов немецких офицеров из мест их содержания, а также в подкупе больничного персонала с целью «улучшения положения немцев»⁵². Данных обвинений (даже без доказательств) властям с лихвой хватило на то, чтобы принять решение о депортации семьи Корнель из Москвы, несмотря на то, что В.И.Корнель уже давно перешагнул призывной возраст и официально уже не попадал под статью о выселении, как германский подданный⁵³. Многочисленные ходатайства видных деятелей Москвы не смогли повлиять на решение властей⁵⁴. Сам московский городской голова М.В.Челноков выступил в защиту В.И.Корнеля, ходатайствуя перед главноначальствующим над Москвой князем В.В.Юсуповым об оставлении его семьи в городе⁵⁵. С аналогичной просьбой к князю Юсупову обратились и уполномоченные от работников его завода, отмечавшие в своем ходатайстве, что «высылка владельца электромеханического завода Корнеля влечет за собой оставление без хлеба 200 человек, занятых производством предметов, нужных войне и службе телеграфа железных дорог»⁵⁶. Рабочие завода Корнеля даже направили телеграмму на имя министра торговли и промышленности, в которой просили оставить владельца завода в Москве и «этим сохранить завод, который по производству батарей для карманных фонарей является единственным в России»⁵⁷.

В результате беседы с московским градоначальником представители завода Корнеля подтвердили, что выступают в защиту своего хозяина не только в связи с тем, что боятся потерять работу, но и потому, что «у Корнеля они хорошо зарабатывали»⁵⁸. С ходатайством в защиту В.И.Корнеля выступил даже генеральный консул США, обратившийся к московскому градоначальнику с прошением удовлетворить просьбу немецкого промышленника об оставлении его в Москве — «высоко нравственного человека, никогда не нарушавшего русских законов и кроме того, филантропического деятеля»⁵⁹. Немаловажным для нас являлось и то обстоятельство, что еще в 1891 г. В.И.Корнель обращался к российским властям с ходатайством о принятии его в русское подданство, которое не было удовлетворено лишь по «формальным основаниям». При этом, по его собственным словам, он осознавал себя только русским гражданином,

собственным словам, он осознавал себя только русским гражданином, которому дороги интересы своей родины и особенно города Москвы, где он прожил большую часть своей жизни⁶⁰. Однако, несмотря на многочисленный фронт защитников, выступавших в поддержку известного московского предпринимателя, В.И.Корнель в глазах полицейского начальства оставался прежде всего немцем, а следовательно – потенциальным «внутренним врагом».

Московский градоначальник Е.К.Климович имел свою, особую точку зрения на деятельность В.И.Корнеля, изложив ее в прошении к князю Ф.Ф.Юсупову: «Принимая во внимание, что... означенный прусский подданный Корнель, презирая все русское, отличался большой преданностью интересам Германии и что он является организатором всевозможных учреждений по призрению германских и австро-венгерских военнопленных в России, ...он менее всего имеет право на исключение из общей высылки»⁶¹. Остается добавить, что в начале августа 1915 г. семья Корнель под угрозой депортации в глубь России была вынуждена покинуть Москву и выехать за границу⁶². Электромеханический завод В.И.Корнеля разделил судьбу аналогичных московских предприятий, чьи хозяева оставили столицу, т.е. был передан в ведение Городского земского союза⁶³.

К одним из стандартных обвинений немецких предпринимателей Москвы можно отнести и так называемое «вредительство», выражавшееся в заведомо заниженном производстве материалов и техники для военных нужд⁶⁴. Увольнению по обвинению «в саботаже и помощи врагу» нередко подвергались и российские граждане немецкого происхождения, исходя из требований рабочих коллективов⁶⁵. Примером данной антинемецкой активности может служить московское механическо-литейное предприятие Юлиуса Штолле, выпускавшее во время войны станки для производства дистанционных трубок и взрывателей⁶⁶. Двое служащих, занимавших руководящие должности и носивших немецкие фамилии, были уволены по подозрению в «помощи» врагу именно с подачи рабочих. Несмотря на то, что оба «немца» со дня своего рождения являлись российскими гражданами, а предки одного из уволенных перешли в подданство России еще в 1711 г., никаких исключений им сделано не было⁶⁷. Попытка руководства Центрального Военно-Промышленного комитета восстановить обоих служащих на предприятии натолкнулась на бесцеремонный аргумент самого главноначальствующего князя Юсупова, заявившего, что «обратное возвращение двух рабочих немецкого происхождения [невозможно], т.к. они бестактно вели себя с [русскими] рабочими»⁶⁸.

Окрыленные такой защитой рабочие завода обвинили в «саботаже» и самого директора, потребовав его удаления с предприятия. Обвинение, предъявленное Юлиусу Штолле, сводилось к «злонамеренному вредительству» – преднамеренному занижению заказов на чугун, что, по мнению рабочих, вызывало регулярные простои заводского оборудования⁶⁹. В случае отставки владельца завода, состоящего, кстати, в российском подданстве более 15 лет, рабочие обещали московским властям «удвоить свои силы, чтобы продвинуть скорей казенные заказы... для обороны»⁷⁰. Причем немецкое происхождение владельца завода позволило обвинить его не только в «организованном саботаже», «издевательстве над русскими людьми», но и в нелояльности российскому государству в целом⁷¹. К слову сказать, относительно заработной платы, которая была достаточно высока, претензий рабочие предприятия к «немецкому» руководству не предъявляли. Многочисленные обвинения «внутреннего врага» Ю.Штолле привели к тому, что в августе 1915 г. на его завод был направлен представитель московского градоначальства Л.Анохин, изучавший вопрос ликвидации данного предприятия⁷². Заявив, что работы на заводе идут полным ходом даже в праздники, он посчитал обвинение Ю.Штолле в саботаже и вредительстве необоснованным. В то же время Анохин отметил, что немецкого происхождения его владельца вполне достаточно для того, чтобы передать завод «в более достойные руки»⁷³. Подобные меры «выдавливания» немецкого руководства, замеченного в «преднамеренном саботаже в пользу врага», отмечались и на других московских предприятиях. Так, в связи с поступившим анонимным заявлением в канцелярию московского генерал-губернатора, была произведена проверка деятельности «немецкого» завода Гекенталь. Причем анонимный автор обвинял хозяина завода Федора Ф.Гекенталья, а также его директора Николая Н.Шварцмана не только в саботаже производства заказов для военных ведомств, но и в промышленном шпионаже⁷⁴. После проведенного полицией расследования о работе данного предприятия выяснилось, что оно более чем успешно выполняло план по изготовлению деталей для фугасных гранат и морских мин по заказу Артиллерийского и Морского ведомств. Только с начала войны на заводе Гекенталь было выпущено более 47 000 различных частей и деталей, необходимых для изготовления фугасных гранат и морских мин, за что директор предприятия Н.Н.Шварцман даже получил благодарность от Военного министерства. Несмотря на то, что отец Шварцмана проработал в московской полиции около 50 лет, а сам статский советник Н.Н.Шварцман ни в каких симпатиях к Германии, а тем более шпионаже замечен не был, как и хозяин завода – потомственный почетный гражданин Ф.Ф.Гекенталь, только чистая случайность спасла обоих «немцев» от депортации из Москвы⁷⁵.

Под перекрестный огонь подозрений в шпионаже попали и страховые фирмы, возглавляемые лицами немецкого происхождения. Страхование частной собственности, где требовалось представление подробных планов, чертежей, описей имущества, а также спецификации земельных участков, построек, оборудования фабрик, заводов, пароходов и т.п., уже расценивалось как промышленный шпионаж⁷⁶. Таким образом, любые действия «немецких» фирм, занимавшихся простым сбором коммерческой информации, расценивались как злоумышленное вредительство в отношении Российского государства. Так, к примеру, по требованию самого Министерства внутренних дел была закрыта контора коммерческих справок Э.К.Рейса. Среди обвинений, представленных ее владельцу – московскому мещанину и русскому подданному, был назван сбор информации о деятельности губернского предводителя дворянства князя А.Б.Куракина⁷⁷. Попытка Э.К.Рейса объяснить данное недоразумение тем, что он всего лишь составлял необходимую справку о кредитоспособности вышеупомянутого князя, ни к чему не привела. Такое «неуважение» лица немецкого происхождения к русскому князю было расценено российскими властями как недопустимая «дерзость» по отношению к правительственным персонам, а сам Рейс взят под наблюдение сыскной полицией города Москвы⁷⁸.

Подводя краткие итоги всему вышесказанному, можно отметить следующее. Одной из причин негативного отношения русскоязычного населения к московским немцам явилась нагнетаемая средствами массовой периодической печати шпиономания. Истерия шпиономании приводила к тому, что даже русские граждане, носившие иностранную фамилию, автоматически попадали не только под пристальное наблюдение полицейских органов, но и простого московского обывателя, в глазах которого любой «иностранец» олицетворялся с «внутренним врагом» России. Под прицел русской общественности, охотно подключившейся «к охоте на ведьм», попали не только немецкие торговые фирмы, предприятия, добровольные общества и союзы, но и непосредственно москвичи – русские граждане немецкого происхождения. Во время войны проявился всплеск анонимок и доносов о политической «неблагонадежности» лиц немецкой национальности или носивших немецкую фамилию. Благодаря широко развернутой борьбе с «внутренним врагом» на государственном уровне фабриковалось много дел, основанных только на мести доносителей оговариваемым ими лицам, использовавших военное время для сведения личных счетов. Неблагоприятная для русской армии военно-политическая ситуация на фронте оказывала влияние на массовое сознание населения в тылу, что нашло свое проявление в массовых вы-

ступлениях рабочих коллективов против «внутренних» немцев, обвинявших их в государственной измене.

Примечания

¹ Толстой А. Хожение по мукам: В 3 кн.— М., 1957.— Кн. 1 и 2.— С.193.

² См. также: *Борьба с немецким засильем*. Речь члена Государственной думы А.Н.Хвостова в заседании 3-го августа 1915 г.— Пг., 1915.— С.12—15, 21—24; *Нелипович С.Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны // *Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения*.— М., 1996.— С.265.

³ Курлов Павел Григорьевич — генерал-лейтенант. В 1909—1911 гг. — товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. В начале войны с Германией был назначен помощником начальника Двинского военного округа и особоуполномоченным гражданского управления Прибалтийского края на правах военного генерал-губернатора.

⁴ *Курлов П.Г.* Гибель императорской России.— М., 1991.— С.209—210.

⁵ *Резанов А.С.* Немецкое шпионство.— Пг., 1915.— С.209.

⁶ См. также: *Deeg L. Kunst & Albers Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten 1864—1924*.— Essen, 1996.— S.234—242.

⁷ *Ibid.*— S.315.

⁸ *Немецкий шпионаж в России* // *Родина*.— 1993.— №5/6.— С.92.

⁹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / Под ред. А.Л.Паниной.— М., 1997.— Т.2.— С.484—486.

¹⁰ По мнению российских разведывательных органов, все руководство деятельностью фирмы на территории Российского государства исходило не из США, а из Германии. См. также: *Российский государственный военно-исторический архив*.— Ф.2031, оп.4, д.62, л.50—53 об.— Далее: РГВИА.

¹¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания.— С.564.

¹² *Немецкий шпионаж в России*.— С.92—95.

¹³ *Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год*. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве, а равно и тех русских фирм, в составе коих имеются австрийские и германские подданные, по данным Московских Купеческой и Ремесленной управ на 1914 г.— М., 1914.— С.23.

¹⁴ *Центральный исторический архив г.Москвы*.— Ф.17, оп.105, д.152, л.1.— Далее: ЦИАМ.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Необходимо заметить, что к началу войны России с Германией среди более чем 30 тысяч рабочих и служащих (в целом по России) Акционерного общества «Компания швейных машин Зингер» находилось только 131 человек — подданных «враждебных государств», которые были сразу же уволены. РГВИА.— Ф.2031, оп.4, д.62, л.50—52 об.

¹⁷ ЦИАМ.— Ф.17, оп.105, д.152, л.16—17.

¹⁸ См. например: *Владимирский Н.* Внешний блеск и кулисы // *Вечерний курьер*.— 1916.— 29 авг.— С.4.

¹⁹ ЦИАМ.— Ф.17, оп.105, д.152, л.38—39 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.— Д.162, л.11 об.

²² См. также: *Нелипович С.Г.* Роль военного руководства России...— С.265.

²³ *Резанов А.С.* Немецкое шпионство.— С.206–207. Кстати, сам Ю.П.Гужон, председатель Общества фабрикантов и заводчиков Московского района, несмотря на его французское гражданство (с подачи главноначальствующего князя Ф.Ф.Юсупова) был арестован и помещен в Петроградский дом предварительного заключения за его «прогерманские симпатии». Только после вмешательства товарища министра внутренних дел В.Ф.Джунковского он был освобожден из заключения. См.: 29 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (Записки заседаний и переписка).— СПб., 1999.— С.169; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания.— Т.2.— С.557–558.

²⁴ *ЦИАМ.*— Ф.17, оп.105, д.165, л.11–11 об.

²⁵ См. также *РГВИА.*— Ф.2031, оп.4, д.62, л.53–53 об.

²⁶ См.: *Busch M.* Deutsche in St.Petersburg 1865–1914: Identität und Integration.— Essen, 1995.— S.224–225.

²⁷ *Немецкий шпионаж в России.*— С.93.

²⁸ *РГВИА.*— Ф.1720, оп.11, д.2, л.142–142 об.

²⁹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания.— Т.2.— С.418–419.

³⁰ Задерживание и проверка (повсеместно) всей почтовой корреспонденции на немецком языке были также связаны с подозрением российских немцев в шпионаже в пользу Германии. См.: *РГВИА.*— Ф.13847, оп.1, д.1, л.149–150.

³¹ *Немецкий шпионаж в России.*— С.94.

³² Цит. по: *Нелипович С.Г.* Роль военного руководства России...— С.264.

³³ *РГВИА.*— Ф.1606, оп.2, д.1294, л.124 об.

³⁴ Сотрудники германского генерального штаба, в свою очередь, наоборот, отмечали «особую опасность» прибалтийских немцев, считая, что многие из них свободно говорят по-немецки и «могут свободно сойти за немцев» в период военных действий с Россией. См.: *Из секретной записки* Германского большого генерального штаба, 1913 год // *Родина.*— 1993.— №8/9.— С.15.

³⁵ *РГВИА.*— Ф.1606, оп.2, д.1294, л.124 об.—125.

³⁶ *ЦИАМ.*— Ф.16, оп.153, д.38, л.1.

³⁷ Там же.— Л.8.

³⁸ Там же.— Л.400.

³⁹ Так, например, подвергся нападкам Курляндский губернатор С.Д.Набоков, опубликовавший материалы расследования ложных доносов. См.: *Нелипович С.Г.* Роль военного руководства России...— С.266.

⁴⁰ См. также: *Вибе П.П.* Немцы в Сибири в годы Первой мировой войны (Документы) // *Исторический архив.*— 1999.— №1.— С.158–165.

⁴¹ *ЦИАМ.*— Ф.16, оп.232, д.6, л.46–46 об.

⁴² См. также: *Отчет Совета* о деятельности «Общества 1914 года» за 1915 год / Сост. А.Богдановский.— Пг., 1916.— С.19.

⁴³ *РГВИА.*— Ф.1606, оп.2, д.1294, л.126–126 об.

⁴⁴ *ЦИАМ.*— Ф.16, оп.232, д.6, л.38–38 об.

⁴⁵ Там же.— Л.45–45 об.

⁴⁶ *РГВИА.*— Ф.1606, оп.2, д.1294, л.129.

⁴⁷ ЦИАМ.– Ф.16, оп.232, д.8, л.39–40.

⁴⁸ По другим источникам в госпитале находилось около 50 человек.

⁴⁹ ЦИАМ.– Ф.16, оп.232, д.8, л.13 об.

⁵⁰ Там же.– Л.10–10 об.

⁵¹ Там же.– Л.12–13.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.– Л.21.

⁵⁴ Так, например, за благонадежность В.И.Корнеля поручились почетный мировой судья и председатель Рогожского попечительства Стеблин, мировой судья В.И.Астров, православный священник Кедров, председатель Общества помощи жертвам войны Цветков и др. См.: Там же.– Л.9–9 об.

⁵⁵ Там же.– Л.8, 11.

⁵⁶ Там же.– Л.15.

⁵⁷ Там же.– Л.18.

⁵⁸ Там же.– Л.40.

⁵⁹ Там же.– Л.13 об.

⁶⁰ Там же.– Л.9–9 об.

⁶¹ Там же.– Л.39–40.

⁶² Там же.– Л.30.

⁶³ Там же.– Л.42.

⁶⁴ *Борьба с немецким засильем.* Речь члена Государственной думы А.Н.Хвостова...– С.14–15, 23–24.

⁶⁵ Сравни: *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории.– 1994.– №2.– С.50.

⁶⁶ ЦИАМ.– Ф.16, оп.153, д.33, л.10–10 об., 15.

⁶⁷ Там же.– Л.1–1 об.

⁶⁸ Там же.– Л.2, 11–11 об.

⁶⁹ Там же.– Л.14–16, 19–19 об. В вину Ю.Штолле, кроме организованного «саботажа», была поставлена и защита им семи немецких служащих, российских подданных, уволенных по требованию рабочих во время московских погромов.

⁷⁰ Там же.– Л.12–12 об.

⁷¹ Там же.– Л.22.

⁷² Сам завод принадлежал германской фирме «Тильманс», но с 1909 г. его арендовал московский мещанин Юлиус Штолле.

⁷³ ЦИАМ.– Ф.16, оп.153, д.33, л.19–19 об.

⁷⁴ Там же.– Д.34, л.17.

⁷⁵ Там же.– Л.21–21 об.

⁷⁶ *Немецкий шпионаж в России.*– С.93.

⁷⁷ ЦИАМ.– Ф.16, оп.153, д.45, л.2–3.

⁷⁸ Там же.– Л.4–5.

На переломе эпох

Кривець Н.В.

Відносини Директорії УНР і Німеччини 1919–1922 рр.

Кондратюк Г.Н.

Влияние голода на школьное образование немцев Крымской АССР в 1921–1923 гг.

Шмидт В.

Советизация и система народного образования среди немецкого населения Казахстана (середина 20-х – конец 30-х гг.)

Черказьянова И.В.

Историко-этнографическая реконструкция хроники семьи Бехтгольд

Иларионова Т.С.

К истории национально-культурной автономии немцев в России